

САЛТОВСКИЙ КРЕМАЦИОННЫЙ МОГИЛЬНИК СУХАЯ ГОМОЛЬША: ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В.С. Аксенов (Харьков)

Вопрос этнической принадлежности погребений по обряду трупосожжения второй половины VIII – первой половины X вв. из Подонечья, при наличии славянской, тюркской, угорской и иранской гипотез, все еще далек от своего окончательного решения. Однако, в силу ряда обстоятельств, наибольшее количество приверженцев имеет славянская точка зрения на этническую принадлежность носителей обряда трупосожжения в салтовской среде (Седов, 2002, с.266). Исследователь Сухогомольшанского могильника В.К. Михеев первоначально связывал население, оставившее могильник, с угорскими племенами (Михеев, 1982, с.166). Со временем он изменил свою точку зрения, видя в носителях данного обряда в салтовском обществе представителей позднепеньковского (славянского в своей основе) населения (Михеев, 1991, с.44). Это мнение, на определенном этапе, разделял Г.Е. Афанасьев (Афанасьев, 1987, с.153).

Идея, первоначально высказанная В.К. Михеевым, нашла отклик и у некоторых исследователей кремаций второй половины VIII – первой половины X вв. Северо-Западного Предкавказья и Кубани. Они указали на этническое родство населения, оставившего Севедонецкую и Кубано-Черноморскую группы кремационных могильников (Пьянков, Тарабанов, 1996, с.61-64). Так, В.А. Тарабанов, ссылаясь на мнение В.К. Михеева, связал кремации салтовского времени из Прикубанья с уграми (Тарабанов, 1997, с.25). Новые исследования кремационных захоронений в Кубано-Черноморском регионе позволили по иному взглянуть на данную проблему. В частности, А.В. Пьянков связал с носителями кремационного обряда на Кубани касогов (Пьянков, 2001, с.117-120). В адыго-абзаской среде предлагает искать носителей кремационного обряда салтовского времени Подонья и Прикубанья Г.Е. Афанасьев (Афанасьев, 2001, с.53).

Как нам представляется, решение столь сложного вопроса лежит через более внимательное рассмотрение самого погребального

обрядов хорошо исследованных могильников, и в первую очередь крупнейшего на данное время кремационного могильника Подонцова – Сухая Гомольша. Это тем более необходимо, ибо небольшие журнальные публикации материалов Сухогомольшанского могильника (Михеев, 1982; Михеев, 1986) «лаконичны и информативного материала в них в целом не много» (Плетнева, 1990, с.83). И тем не менее, они были положены в основу фундаментальных этно-культурных построений. Это и заставляет рассмотреть обряд могильника Сухая Гомольша более детально.

Для могильника Сухая Гомольша установлен единый обряд захоронения - трупосожжение на стороне. Антропологический анализ костного материала показал, что наибольшее воздействие огня испытывали кости черепа и позвоночника, при слабом сожжении частей верхних и особенно нижних конечностей (Malinowski, Mischejew, 1981, s.154). После того, как погребальный костер прогорал, а вероятнее всего его заливали водой, о чем свидетельствуют раздробленные, с острыми краями, хрупкие, спекшиеся человеческие кости, остатки кремации помещались в заранее подготовленную ямку или сосуд-урну. Количество пережженных человеческих костей, найденных в захоронениях могильника, указывает на не всегда тщательный сбор остатков скелета для помещения в могилы: в одних случаях они обильны или их достаточно много, в других – они единичны. Личные вещи, принадлежавшие покойнику (бусы, украшения из цветных металлов, элементы одежды), зачастую несут следы пребывания в огне погребального костра. Ярко выраженные следы пребывания в пламени погребального костра имеют предметы вооружения и снаряжения коня. Они после нагрева подвергались искусственной деформации (сгибались, ломались). Однако часть вещей следов воздействия огня не несет, и, видимо, может рассматриваться в качестве посмертного дара покойному.

По способу захоронения останков сожжения все захоронения делятся на урновые и безурновые. В количественном отношении безурновые погребения несколько преобладают над урновыми: первых – 179, вторых – 138 (соответственно 56,4 и 43,6%).

Безурновые захоронения (тип I) в зависимости от наличия в них следов погребального костра (щепа, древесных угольков), а также концентрации пережженных человеческих костей в площади могильной ямы, подразделяются на несколько видов.

1-1. Безурновые, пережженные кости *очищены* от следов погребального костра и *компактно* расположены в пределах могильной ямы. На могильнике этот вид представлен 16 захоронениями (5%). Пережженные человеческие кости были помещены как в ямы, имеющие в плане круглую форму (8 захоронений), так и в ямах вытянутых очертаний – овальных (7 погребений) и прямоугольных (1 захоронение).

В засыпке семи захоронений встречены следы, по всей видимости, связанные с проведением «тризны». Так, в засыпке 6 погребений (№№250, 251, 252, 255, 269, 282) были встречены фрагменты салтовской кухонной керамики, а в засыпке погр. №231 – обломки железного котла. В одном случае (погр. №268) могильная яма имела специфическую особенность - ее дно было преднамеренно обмазано тонким слоем глины и обожжено. Преобладающей ориентировкой для захоронений в ямах вытянутых очертаний была широтная (по линии восток-запад) – 5 погребений (№№184, 216, 252, 275, 282). Еще две ямы были ориентированы по линии северо-запад – юго-восток (погр. №250, 253). Только одно захоронение (погр. №251) имело меридиональную ориентировку могильной ямы. Половина захоронений содержала инвентарь, располагавшийся среди пережженных человеческих костей. В одном случае (погр. №119) в захоронении находился сосуд-приставка, установленный вверх дном.

1-2. Безурновые, человеческие останки *очищены* от следов погребального костра и *рассеяны* по дну могильной ямы. Исследовано 36 захоронений (11,3%). Преобладают захоронения в ямах вытянутых очертаний. Так, 25 захоронений было совершено в овальных в плане ямах, 7 – в прямоугольных ямах. Только в 4 случаях (погр. №172, 240, 245, 264) пережженные кости находились в ямах круглой формы, и лишь одно из этих захоронений было безынвентарным.

Могильные ямы вытянутых очертаний имеют как широтную (8 захоронений), так и меридиональную (12 захоронений) ориентировку. В 12 случаях могильная яма ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Для погребений совершенных в ямах с меридиональной ориентировкой и ориентированных по линии северо-запад – юго-восток характерно равное количество захоронений содержащих инвентарь и безынвентарных захоронений, тогда как почти в каждом погребении с широтной ориентировкой могильной ямы ин-

инвентарь присутствовал. В заполнении 10 погребений были обнаружены остатки «тризн» в виде отдельных фрагментов керамики, а в засыпке погр. №183 находились фрагменты преднамеренно сломанного железного котла. Только одно захоронение (№214) сопровождалось так называемым «тайничком» (комплекс VI).

I-3. Безурновые, кальцинированные кости с остатками погребального костра компактно расположены в могильной яме. Данный вид представлен 38 захоронениями (11,9%). Для захоронений характерно помещение человеческих останков в могильные ямы круглой формы (32 из 38 погребений). Только в 17 захоронений в ямах круглой формы присутствовал инвентарь. Однако только четверть этих захоронений содержали вещи, прошедшие через огонь погребального костра. В остальных погребениях найденные вещи представляли посмертные дары покойнику. Остатки «тризн» в виде фрагментов керамики были встречены в засыпке всего двух захоронений (погр. №23, 219).

Среди захоронений данного вида встречены погребения с широтной (погр. №20, 122, 144, 316) и меридиональной (погр. №18, 99) ориентировкой могильных ям. Инвентарь присутствовал в обоих захоронениях с меридиональной ориентировкой могильных ям, и в одном погребении с ориентировкой могильной ямы по линии запад-восток (погр. №122). Рядом с захоронением №122 был обнаружен поминальный комплекс IX.

I-4. Безурновые, кальцинированные кости вместе с золой и углем погребального костра рассеяны по всей площади могильной ямы. Этот вид представлен 89 захоронениями (28,1%). В 19 случаях остатки кремации были помещены в могильные ямы круглой формы, в 16 случаях - в ямы прямоугольной формы. Преобладают захоронения совершенные в ямах имеющих в плане овальную форму (54 погребения).

10 из 19 захоронений в круглых ямах были безынвентарными, остальные содержали инвентарь носивший следы пребывания в огне. Весь инвентарь погр. №112 находился в расположенном рядом «тайничке» (комплекс VIII). В одном случае (погр. №263) захоронение сопровождалось сосудом-приставкой.

Ориентировка могильных ям отличается разнообразием. Меридиальную ориентировку могильных ям имели 24 погребения, еще 30 ям ориентированы по линии восток-запад. Могильные ямы

остальных захоронений ориентированы с сезонными отклонениями: в 10 случаях ямы ориентированы по линии северо-запад – юго-восток, в 6 случаях – по линии юго-запад – северо-восток.

В 8 захоронениях (погр. №109, 117, 205, 259, 260 302, 304, 311) стенки могильных ям были преднамеренно обмазаны тонким слоем глины и обожжены. Среди этих погребений почти половина захоронений совершена в ямах овальной формы (5 из 8). Половина этих захоронений ориентировано по линии восток-запад (4 из 8 – погр. №109, 259, 302, 304). В 4 захоронениях с обмазанными стенками могильных ям было обнаружено по два сосуда-приставки (погр. №117, 302, 304, 311), а в одном (погр. №259) – их было три. Для захоронений, помещенных в простые грунтовые ямы данного вида, характерно наличие одного сосуда-приставки (8 погребений).

49 из 70 захоронений, произведенных в могильных ямах имеющих в плане вытянутые очертания, содержали погребальный инвентарь, располагавшийся среди человеческих останков. Пять погребений сопровождалось «тайничками», содержащими элементы конского снаряжения и предметы вооружения. Четыре этих захоронения имели широтную ориентировку могильных ям (погр. №17, 46, 63, 230), а одно (№218) было ориентировано по линии северо-запад - юго-восток.

Урновые (тип II) захоронения могильника в зависимости от очищенности пережженных человеческих костей от остатков погребального костра, положения погребальной урны, наличия крышки и подстилки разделены на несколько видов.

II-1. *Очищенные* от следов погребального костра пережженные человеческие кости помещены в урну, стоящую *устьем вверх*. Данный вид представлен 14 погребениями (4,4%). К этому виду нами отнесены и два захоронения в амфорах с преднамеренно отбитыми в древности горлом и ручками (погр. №55, 182), ибо данные сосуды затруднительно установить в вертикальном положении, и одно погребение (№276), содержащее покоившийся на боку салтовский горшок-урну. В последнем случае урна, по-видимому, упала на бок при засышке могильной ямы.

В двух случаях (погр. №37, 55) были прослежены контуры могильных ям, в которые были помещены урны. Урны находились в ямах овальной формы, ориентированных по линии северо-восток - юго-запад, размером 0,4 x 0,3 м и 0,5 x 0,35 м соответственно. По-

ловина захоронений данного вида были безынвентарными. В 3 (погр. №202, 208, 249) из 7 захоронений, содержащих инвентарь, среди остатков кремации были обнаружены отдельных фрагменты керамики - следы «тризн».

II-2. *Очищенные* от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, установленную *устьем вверх* и накрытую крышкой. Вид представлен 6 захоронениями (1,9%). В половине захоронений крышками служили крупные фрагменты стенок, в остальных – придонные части салтовских сосудов. Четыре захоронения содержали инвентарь, помещенный в урны вместе с остатками кремации.

II-3. Пережженные человеческие кости *вместе с углем и золой* погребального костра помещены в урну, установленную *устьем вверх*. Обнаружено 29 погребений (9,1%). Только в одном случае (погр. №67) были прослежены контуры могильной ямы, которая имела в плане овальную форму, и была ориентирована по линии север-юг. Ее размеры 0,9 x 0,5 м. Урна с прахом располагалась в южном краю могильной ямы. Количество безынвентарных захоронений и погребений, содержащих инвентарь, почти одинаково - 15 и 14, соответственно, как и количество захоронений, содержащих сосуды-приставки – три безынвентарных (погр. №67, 138, 140) и три погребения с инвентарем (погр. №103, 139, 288). В захоронениях находилось чаще всего по одному сосуду-приставке. Исключением является погребение №140, где были обнаружены два сосуда-приставки.

II-4. *Неочищенные* от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, стоящую *устьем вверх* и накрытую крышкой. Захоронений этого вида обнаружено 7 (2,2%). В погр. №29 прослежены контуры могильной ямы. Урна была помещена в яму круглой формы диаметром 0,35 м. В 4 из 7 захоронений крышкой служили придонные части салтовских сосудов, установленные дном вверх. В остальных погребениях (№70, 126, 291) в качестве крышек были использованы крупные фрагменты стенок сосудов. Именно эти погребения и были безынвентарными. Рядом с двумя урнами (погр. №70, 289) были обнаружены сосуды-приставки.

II -5. *Очищенные* от следов погребального костра человеческие останки находились в урне, установленной *вверх дном*. Исследовано 22 захоронения (6,9%). В 7 случаях удалось проследить контуры

могильных ям. Могильные ямы в плане имели круглую (погр. №24, 35, 51, 52, 58) или овальную (погр. №28, 49) форму. Овальные ямы были ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. Лишь одна урна (погр. №28) сопровождалась сосудом-приставкой, установленным также вверх дном. Рядом с тремя урнами (погр. №223, 227, 228) располагались поминальные комплексы XIII, III, XII, содержавшие предметы вооружения и конского снаряжения. В одном случае (погр. №51) урна дополнительно сверху была накрыта еще одним сосудом большего размера. В трех погребениях среди остатков кремации были отмечены следы «тризн», представленные мелкие фрагментами других сосудов (погр. №210, 227), необожженными костями (ребра) животного (погр. №308). Количество безы Inventарных погребений (11 случаев) соответствовало количеству захоронений, содержавших личные вещи умерших.

II-6. *Очищенные от следов погребального костра человеческие останки помещены в урну, стоящую вверх дном на подстилке.* Вид представлен 8 захоронения (2,5%). Половина урн была установлена на придонные части других сосудов, половина – на крупные фрагменты стенок. Из 8 захоронений в 6 был встречен инвентарь, находившийся среди остатков кремации. Только в одном случае (погр. №296) инвентарь находился и внутри урны, и рядом с ней. Еще в одном погребении (№286) весь инвентарь был помещен в расположенный в близости «тайничок» (комплекс XVI).

II-7. *Человеческие останки вместе с остатками погребального костра находились в урне, установленной вверх дном.* Исследовано 44 захоронениями (13,9%). Всего в двух случаях удалось проследить контуры могильных ям. В погребении №39 урна находилась в круглой яме диаметром 0,45 м. В захоронении №265 урна была помещена в овальную яму размером 0,8 x 0,5 м ориентированную по линии север-юг. Эта яма имела конструктивные особенности. Так, в ее южном краю располагалась ступенька, на которой и была установлена урна. Стенки и дно могильной ямы были обмазаны тонким слоем глины и обожжены. В северном краю ямы, на дне, находился сосуд-приставка, установленный также как и урна – вверх дном. Еще в трех захоронениях (№61, 82, 261) урны также сопровождалась сосудами-приставками. В двух случаях (погр. №64, 155) захоронения содержали остатки «тризн» в виде фрагментов салтовских сосудов. Только 19 захоронений не содержали никакого инвентаря.

II-8. Пережженные человеческие кости вместе с золой и углем погребального костра находились в урне, установленной *вверх дном* на *подстилке*. Вид представлен 8 погребениями (2,5%). В одном погребении (№207) в качестве подстилки была использована придонная часть другого сосуда, в остальных случаях – крупные фрагменты сосудов. В двух погребениях (№169, 206) были встречены остатки «тризн» – мелкие фрагменты сосудов. Только два захоронения из 8 были безынвентарны (погр. №206, 301).

Таким образом, для могильника Сухая Гомольша характерно наличие нескольких видов кремационных погребений. Подобное многообразие типов сожжения характерно для кремаций черняховской культуры (Кравченко, 1983, с.51), полиэтничность которой, в настоящее время, ни у кого не вызывает сомнения. По пестроте этнического состава черняховская и салтово-маяцкая культуры являются явлениями одного порядка. Значительно меньшее разнообразие видов сожжений наблюдается в раннесредневековых культурах славян юга Восточной Европы второй половины I тыс. н.э. (пражской, корчакской, колочинской, пеньковской, волыщевской и др.) (Славяне, 1990, с.228, 276-278).

Сравнение погребального обряда могильника Сухая Гомольша с обрядами ряда археологических культур второй и третьей четвертей I тысячелетия н.э. (Табл.1), связываемых со славянским населением юга Восточной Европы, показывает наличие существенных различий между ними. Так, для могильника Сухая Гомольша характерен высокий процент кремаций под перевернутыми вверх дном сосудами (25,5%). Такие захоронения лишь изредка встречаются на памятниках киевской, черняховской, пеньковской, корчакской, колочинской культур (Славяне, 1990, с.228), но там их доля не превышает 4% (Зиньковская, 1997, с.11-14). Достаточно редким явлением для могильника Сухая Гомольша является наличие в захоронениях фрагментов несобирающихся керамических сосудов (9,1%), тогда как фрагменты сосудов встречаются в 40,8% захоронений колочинской и не менее чем в 22,2% погребений волыщевской культур (Зиньковская, 1997, с.13, 14). Наличие в кремациях фрагментов керамики, как со следами повторного обжига, так и без них, является характерной чертой погребального обряда и других славянских культур второй – третьей четверти I тыс. н.э.

Остатки кремаций на могильнике Сухая Гомольша помеща-

лись в могильные ямы круглых и вытянутых очертаний. Для славянских кремаций больше характерны ямы круглой формы. На Сухогомольшанском могильнике преобладают ямы вытянутых очертаний. При этом прослеживается две тенденции в ориентировке могильных ям: меридиональная и широтная. В тех случаях, когда пережоженные человеческие кости были сложены в кучку или сохранились достаточно крупные фрагменты костей черепа, то они концентрировались в западном или южном краю ям, в зависимости от того, какую ориентировку, широтную или меридиональную, имели могильные ямы. Захоронения с подобной ориентировкой могильных ям и с аналогичным сухогомольшанским размещением человеческих останков в небольшом количестве встречены на могильниках колочинской культуры (Поболь, 1974, с.168, 174; Падин, 1974, с.134; Липкинг, 1974, с.148, 149, 150; Третьяков, 1974, с.71, 72). Для захоронения волынцевской культуры больше характерны могильные ямы с расположением урн по линии восток-запад, меридиональная ориентировка ям здесь не была зафиксирована ни разу (Славяне, 1999, с.276).

Не известной чертой погребального обряда для славянских погребений второй-третьей четверти I тыс. н.э. является подмазывание стенок и дна могильных ям тонким слоем глины с последующим обжигом. Захоронения с таким образом оформленными могильными ямами на могильнике Сухая Гомольша составляют 5,2 % от общего числа кремаций.

Процент безынвентарных захоронений на могильнике Сухая Гомольша ниже аналогичного среднего показателя для погребений колочинской, пеньковской, волынцевской культур (Табл.1). На могильнике Сухая Гомольша относится к разряду безынвентарных только 36,1% безурновых и 41 % урновых захоронений. Безынвентарными является 57,3% всех погребений могильника. В целом безынвентарность является отличительной чертой большинства пеньковских, колочинских и волынцевских кремаций (Славяне, 1990, с.228, 277). Та же тенденция наблюдается и в черняховских древностях, где безынвентарными является 62,9% захоронений по обряду кремации (Никитина, 1985, с.75).

Отличает захоронения могильник Сухая Гомольша от славянских кремаций и наличие в погребениях предметов вооружения, элементов конского снаряжения, которые находились как непосред-

ственно среди пережоженных человеческих костей, так и в расположенных рядом с погребениями так называемых «тайничках». Так, на Сухой Гомольше предметы вооружения были найдены в 6,6% (21 погребение) захоронений. В таком же количестве кремаций были найдены и предметы конского снаряжения. В 14 случаях (4,7%) предметы вооружения и элементы конской сбруи составляли единый комплекс (Аксенов, 1998, с.43). Так называемые «тайнички» не известны на славянских погребальных памятниках, зато они отмечены в погребальных памятниках тюркских народов (Плетнева, 1967, с.101). Процент воинских захоронений Сухогомольшанского могильника превосходит по аналогичному показателю известные славянские могильники второй-третьей четверти I тыс. н.э. юга Восточной Европы и уступает лишь древнерусским дружинным некрополям IX – начала XI вв. (Кирпичников, 1971, с.43).

Сосуды-приставки были обнаружены в 22 захоронениях (11 безурновых и 11 урновых) могильника (6,9% от общего числа захоронений). Помещение в кремационные захоронения сосудов-приставок считается специфической чертой погребального обряда славянских культур Восточной Европы третьей четверти I тыс. н.э. Особенно они характерны для волынцевских захоронений (Славяне, 1990, с.276). Однако сосуды-приставки неоднократно были встречены в кремациях второй половины VIII – IX вв. Прикубанья (Дмитриев, 1979, с.54), которые уж никак нельзя считать славянскими.

Таким образом, в кремациях Сухой Гомольши присутствуют черты погребального обряда широкого круга славянских археологических культур Восточной Европы (пеньковской, колочинской, волынцевской), однако полной тождественности погребальных традиций не наблюдается (Табл.I). Поэтому, предположение С.А. Плетневой о разной этнической принадлежности салтовских кремационных захоронений Подонечья (Плетнева, 1990, с.114-115) заслуживает внимания. Здесь, в Подонечье, на границе лесостепи и степи, на стыке кочевой и земледельческой культур, в VIII – в начале IX вв. сложились благоприятные условия для широких контактов разноэтничного населения, приведших к созданию нового этнического образования, представители которого и оставили кремационные захоронения типа Сухой Гомольши. По всей видимости, в сложении этого нового этнического образования, наряду с

местным населением (поздними пеньковцами и колочинцами, возможно, вольнцевцами), приняли участие и выходцы из Прикубанья. На участие последних указывает схожесть погребального обряда, состав инвентаря, в котором значительное место отводится предметам вооружения (сабли, боевые топоры-чеканы, наконечники пик) и конскому снаряжению, присутствуют складные серпы, большие железные пинцеты, железные фибулы, железные котлы, вилки для доставания мяса из котла, шампуры (Аксёнов, 1999, с.153). К тому же инвентарь кубанских захоронений имеет типологическую близость с инвентарем Сухогомольшанского могильника. Так, однотипными являются: пламевидные наконечники копий, остролистные трехлопастные наконечники стрел с отверстиями в лопастях, коньковые шумящие подвески, сережки булавовидной формы, украшенные зернью, железные фибулы с завитком на конце приемника, фибулы-«уточки».

Переселение населения с территории Прикубанья, вероятно, произошло в то же время и в результате тех же событий, что привели к появлению в Подонцовье и носителей салтовского катакомбного погребального обряда – алан. Об этом свидетельствует тот факт, что в кремационных захоронениях Кубани присутствуют элементы поясной гарнитуры, характерные для памятников второй половины VII – середины VIII вв. (Тарабанов, 1992, рис.3: 4, 8), при их отсутствии в кремациях Подонцовья. Это однозначно свидетельствует о более раннем времени появления кремационных захоронений типа Дюрсо в Прикубанье, чем это имело место в бассейне Северского Донца.

В Подонцовье переселилось только незначительная часть населения, проживавшего в Кубано-Черноморском районе. На это указывает количество открытых памятников с кремациями на территории Кубани и в Подонечье. Так, на Кубани в настоящее время известно 17 могильников с кремациями второй половины VIII – IX вв., тогда как в верхнем Подонцовье – только 5 могильников (Новая Покровка, Сухая Гомольша, Пятницкое, Красная Горка, Лысый Горб), и несколько отдельных местонахождений (Тополи, Кочеток, Бондариха).

Выходцы из Прикубанья, вступив в контакт с местным населением бассейна Северского Донца, заняли главенствующее положение в новом объединении, став господствующим слоем. Это под-

тверждает инвентарь некоторых захоронений Сухой Гомольши, среди которого присутствуют вещи (сабли, топорик-чеканы, предметы конского снаряжения, элементы поясных наборов), являющиеся социально-маркирующими для других этнических групп населения, принявших участие в создании салтово-маяцкой культуры, например, для алан (Афанасьев, 1993, с.140-141). Так, конские начальники на могильниках Подонцовья обнаружены исключительно в кремационных захоронениях (погр.№ 175 Сухой Гомольши, №№ 101, 216/к-19 биритуального могильника Красная Горка) (Аксенов, 1998, табл. I, II).

Исследователь Сухогомольшанского могильника В.К. Михеев считал возможным использовать коньковые шумящие подвески для определения этнической принадлежности населения, оставившего могильник. Так родилась гипотеза угорской принадлежности населения, оставившего кремации VIII – IX вв. и в Подонцовье, и в Прикубанье (Михеев, 1982, с.166). В связи с тем, что как часть сакрализованного комплекса личных украшений и оберегов женского костюма шумящие коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена, то это, несомненно, указывает на присутствие в сухогомольшанской общине женщин угорского происхождения. На это же указывают и данные антропологии (Malinowski, Mischejew, 1981, s.155). В тоже время, наличие нескольких погребальных традиций на могильнике Сухая Гомольша (Табл. II) свидетельствует, что в составе общины входили представители славянского (колочинско-пеньковского) и тюркского этнических компонентов. О присутствии выходцев из тюркской среды свидетельствует тот факт, что на биритуальном могильнике Красная Горка аналогичные сухогомольшанским кремации были довольно часто впущены в засыпку ингумационных захоронений, совершенных в соответствии с тюркским погребальным обрядом, без разрушения последних. В некоторых случаях основное и впущенное в него захоронение были однообрядовыми (Аксенов, 1999, с.155). Разница же между кремациями VIII – IX вв. Подонцовья и Прикубанья обуславливается разными этно-племенными подосновами, придавшими материальной культуре населения данных регионов своеобразную окраску. По крайней мере, относительно позднее появление славянского населения в кубано-черноморском регионе (конец X в.) и создание Тмутараканского княжества ставит под сомнение

славянскую принадлежность кремационных погребений VIII - IX вв. этого региона. Население, оставившее кремационные погребения VIII - IX вв. в Прикубанье, считается для данного региона приплым (Дмитриев, 1979, с.56), что, вероятно, отчасти верно и для Подонцовья.

Литература

Аксенов В.С., 1998. К вопросу об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам погребений с сожжениями Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник ХДУ. - №413. - Історія. - Вип.30. - С.34-41.

Аксенов В.С., 1999. Поховання з кінцем другої половини VIII - IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників). - Дис. ... канд. іст. наук. - Харків. - 277 с.

Афапасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // АОН. - Вып.2. - М.: Наука. - 200 с.

Афапасьев Г.Е., 1993. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // РА. - №4. - С.131-144.

Афапасьев Г.Е., 2001. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства // РА. - №2 - С.43-55.

Дмитриев А.В., 1979. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрс // КСИА. - №158. - С.52-57.

Зиньковская И.В., 1997. Население лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй - третьей четверти I тыс. н.э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями). - Автореф. ... канд. ист. наук. - Воронеж: ВГУ. - 24 с.

Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие. Вып.3. Доспех, комплекс боевых средств IX - XIII вв. // САИ. - Е 1-36. М. - Л.: Наука. - 92 с.

Кравченко Н.М., 1983. Погребения с сожжениями на черняховских могильниках // Симонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальный обряд племен черняховской культуры. - М.: Наука. - 152 с.

Липкинг Ю.А., 1984. Могильники третьей четверти I тыс. н.э. в Курском Посемье // Раннесредневековые восточнославянские древности. - Л.: Наука. - С.136-152.

Михеев В.К., 1982. Копьковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. - №2. - С.156-167.

Михеев В.К., 1986. Сухогомольшанский могильник // СА. - №3. - С.158-173.

Михеев В.К., 1991. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подолия - Приазовья в VIII - IX вв. (Ч.1) // Археология

славянского Юго-Востока: Материалы к межвузовской научной конференции. - Воронеж: ВГУ. - С.43-50.

Никитина Г.Ф., 1985. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. - М.: Наука. - 208 с.

Падин В.А., 1974. Древности VI - VII вв. н.э. в окрестностях Трубчевска // Раннесредневековые восточнославянские древности. - Л.: Наука. - С.132-135.

Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. - №146. - 196с.

Плетнева С.А., 1990. Хазарские проблемы в археологии // СА. - №2. - С.77-91.

Поболь Л.Д., 1974. Древности середины и третьей четверти I тыс. н.э. в Белорусском Поднепровье // Раннесредневековые восточнославянские древности. - Л.: Наука. - С.159-180.

Пьянков А.В., 2001. Касоги / касахи / кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V "Мипаевские чтения" по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. - Ставрополь. - С.117-120.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1996. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. - Керчь. - С.61-64.

Седов В.В., 2002. Славяне: историко-археологическое исследование. - М.: Языки славянской культуры. - 622 с.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. - К.: Наукова думка. - 1990. - 488 с.

Тарабанов В.А., 1992. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989 - 1990 годах. - Ейск. - С.76-79.

Тарабанов В.А., 1997. Ингумационное погребение в Молдавановском кремационном могильнике (по раскопкам 1989 г.) // Древности Кубани. Материалы семинара посвященного 85-летию Н.В. Анфимова. - Краснодар. - С.24-27.

Третьяков П.Н., 1974. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. - Л.: Наука. - С.40-118.

Malinowski A., Michejew W., 1981. Suchogomolzanski zespok osadniczy w swietle danych archeologii i antropologii // Zrodla do badan Biologii i historii populacji slowianskich. - Poznan. - S. 147-155.

Таблица I.

Характерные черты погребального обряда ряда культур юга Восточной Европы второй - третьей четверти I тыс. н.э.*.

археологические культуры	кости прикрыты урной	кости и в яме, и в урне	кости в урне	остатки погр. костра	инвентарь отсутствует	фрагменты сосудов	кости животных
киевская	1,3%	1,3%	6,1%	88,8%	73%	50,4%	29%
черняховская	3,7%	0,5%	32,3%	21,2%	62%	70%	3,5%
колочицкая	1,2%	2,9%	37%	36,5%	58,3%	40,8%	6,7%
пепьковская	-	-	25%	100%	100%	+	-
волынцевская	-	3%	67,6%	58,8%	64,8%	22,2%	11%
Сух.Гомольша	25,5%	-	17,6%	66,8%	57,3%	9,1%	0,3%

* данные приведены по Зиньковской И.В. Население лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй – третьей четверти I тыс. н. э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями). – Автореф. ...канд. ист. наук. – Воронеж. – 1997.

Таблица II.

Соотношение видов кремаций по могильнику Сухая Гомольша.

Безурновые				Урновые							
I-1	I-2	I-3	I-4	II-1	II-2	II-3	II-4	II-5	II-6	II-7	II-8
16	36	38	89	14	6	29	7	22	8	44	8
5%	11,3%	11,9%	28,1%	4,4%	1,9%	9,1%	2,2%	6,9%	2,5%	13,9%	2,5%